

Дети войны

Владимир МАЛЫХ,
КРАЕВЕД

Дети войны – что это такое? Надо понимать, что это те люди, возраст которых или, лучше сказать, начало жизни которых совпало с годами Великой Отечественной войны. Давайте сейчас не будем упоминать судьбу детей, оставшихся на территориях, временно оккупированных фашистскими войсками, или детей, угнанных в Германию, или даже тех детей, которые выжили в страшные дни в блокадном Ленинграде или в окружённом Сталинграде. Всем им в той или иной степени отдано должное – фильмы, книги, медали или даже материальная помощь из Германии. Но вот все те, кому сейчас 70, 80 или 90 лет, – кроме того, что мы пережили Великую Отечественную войну, на нашу долю выпало пережить мир, оттепель, перестройку и даже однажды утром проснуться в другом государстве. Над кем ещё, над каким ещё другим народом судьба проводила такое количество экспериментов! Думаю, что нет на земле таких народов! А мы всё это пропустили через себя, через свою жизнь и память.

Что такое война для пережившего её ребёнка? Рядом любящие отец и мать, школа, друзья. И как бы не было тяжело жить в условиях войны (отцы были на фронте, плохо было с питанием), мы всё же находили свои радости, старались пережить свои беды. Опять же подчёркиваю, у всех это было по-разному, но все мы становились взрослыми, когда это было нужно для семьи, для страны и, не побоюсь этого высокопарного выражения, для победы! Некоторые становились к станку, другие работали в колхозе. И вот мы, несколько задержавшиеся в этом мире, живём от юбилея до юбилея, каждый со своими болячками и заботами, хорошо, если в коллективе или в обществе своих внуков и правнуков. А вот если в одиночестве? Остаётся для тебя одна отдушина – твоя память.

Что помню я? 1938 год, поздняя осень. Муром встретил нас крайне неприветливо. Было холодно, мы приехали каким-то поздним поездом. Вышли из вагона на перрон Муромского вокзала самыми последними – задержались в вагоне, потому что долго собирали наши пожитки, в большинстве которых были мои детские вещи. Собирались мы в Рыбинске быстро – отец приехал из Москвы, он там получил новое назначение в Муром и должен был быть там на следующий день! Поэтому побросали вещи в чемоданы, а что не вошло – связали в узлы и кульки. Так и поехали!

Я помню это время очень смутно. Хорошо запомнилось одно: было холодно, и на перроне мы были одни (может, кто-то и был ещё, но мне почему-то запомнился почти пустой перрон и вокзал какой-то странной формы). Нас никто не встречал. Мама выглядела очень расстроенной. Хотя к этому времени она

была уже хорошо знакома с переездами военных, потому что за семь лет семейной жизни, будучи женой командира Красной армии, она налаживала быт семьи на новом месте уже четвертый раз (Могилёв, Полоцк, Рязань, Рыбинск). Но здесь, в Муроме, было как-то особо грустно. Это передалось и мне, и я стал капризничать: хотелось спать и есть. За что получил шлепок по спине от отца и немного притих.

Отец пошёл к дежурному звонить кому-то, а мы остались на пустом перроне. Мама достала еду, то, что она успела прихватить с собой. Дала мне поесть. Я успокоился, а она продолжила осматриваться с беспокойством вокруг и нет-нет вытирала платком глаза. Видимо, плакала – решил я и не стал приставать к ней, как обычно, с различными детскими вопросами. Но вот из двери вокзала показался отец с какими-то двумя гражданскими людьми. Они подошли к нам и как-то легко, с шутками начали переворачивать наши вещи так, чтобы больше забрать в свои руки, а нас полностью освободить. Но у них это получалось плохо, что-то падало, что-то помещалось в руки, а это в свою очередь вызывало улыбки. У мамы лицо просветлело, и она тоже приняла участие в этой «игре» по укладыванию вещей.

бы невзначай посмотрела на себя в зеркало на стене, что-то поправила в причёске, достала чайник и пошла на общую кухню, ставить его на печку.

Посреди комнаты стоял большой стол, который мама начала накрывать, доставая наши, наскоро собранные запасы провизии. Кто-то постучал в дверь, и вошёл военный с нашим чайником, но, увидев моего отца в форме, поздоровался, засмутился, поставил чайник и спешно вышел. И вот мы опять на новом месте, которое надо обживать с нуля! После плотной еды, да ещё с горячим чаем, меня разморило, и я, видимо, уснул на чих-то руках. Проснулся я глубокой ночью. В первый момент мне показалось, что я на старом месте, в Рыбинске. Но почему так тихо? (В Рыбинске мы жили на улице, около которой был овраг, по нему проходили поезда к вокзалу, и их было хорошо слышно.) Здесь же была тишина! Это меня успокоило, и я снова уснул, измученный дорогой и новой обстановкой. Заснул я так крепко, что не услышал, как утром отец встал, позавтракал и ушёл принимать новую работу. А работа, как я теперь понимаю, была огромная, он должен был сформировать артиллерийский полк!



Владимир Малых, 1940-й год.

перь был свой строевой конь. Я ему как-то сразу пришёлся, хотя с коноводом у него были частые стычки: то за плечо укусит, то крупом толкнёт так, что тот отлетал к стене. Но меня он не трогал. Может быть, потому, что когда я приходил, то обязательно приносил с собой корочку хлеба. Он очень любил верхнюю корочку с буханки чёрного хлеба. Я, как только мама приносила хлеб, тут же срезал или часть или всю верхушку целиком, и это лежало у меня в тумбочке около кровати, наготове. Удивительно, но конь, наверное, чувствовал запах хлеба, и когда я приходил, он своей мордой тянулся к моей руке. Брал корочку прямо с ладони, очень аккуратно. А я специально ломал корочку на мелкие кусочки, чтобы продлить удовольствие.

оркестр). У нас были даже друзья среди них! Поэтому мы были в курсе, когда они будут стрелять «по конусу». Для тех, кто не знает, что это такое, объясняю. Конус – это длинный брезентовый конусообразный мешок без дна. У широкой части имелось кольцо, к которому призывался длинный трос. Другой конец этого троса крепился к лебёдке в кабине «кукурузника» (самолёта У-2). Когда самолёт взлетал, лебёдка выпускала трос, и в воздухе за самолётом на приличном расстоянии тянулся этот конус. По этому конусу и стреляли зенитные пушки. На земле конус осматривали и по числу дырок судили об успешности стрельбы. А нам доставляло удовольствие следить, как близко ложатся разрывы снарядов около конуса. Тут-то и годился отцовский бинокль!

Прошли учения. Полк завоевал призовое место. Командир отличившейся батареей получил именные часы, а отец кроме благодарности получил пензенский велосипед ЗИФ и фотоаппарат ФЭД (к моей огромной радости). По случаю успешного окончания общевоинских учений в клубе прошло совещание, на которое приехал Василий Сталин. Мы, дети, знали, что он должен был приехать, и с утра выставили наблюдательный пост около ворот в лагерь. Поэтому, когда от ворот поступил сигнал, что машина едет, мы все собрались около клуба посмотреть. Василий Сталин вышел из машины, оглядел весело нашу толпу, сгрёб нас всех руками и пошёл в клуб.

Но наступило 22 июня. Ещё ночью, сквозь сон, я почувствовал, что что-то неладно. Отец очень быстро встал, оделся, уложил свой походный чемоданчик. Потом попрощался с мамой и со мной и уехал! Куда, зачем? Уже рассвело, за нами приехала легковая машина «Эмка», и мы с мамой и женой комиссара Иванова с сыном загрузились и поехали домой в Муром. Только теперь мы, мальчишки, поняли, что это началась война! Отца я больше не видел. Мы приехали поздно ночью в Муром. В гарнизоне уже почти никого не было. Пушек и тракторов на стоянке не было, все здания были пустые, двери везде открыты. В некоторых комнатах оставались различные вещи, бумаги. Полкового знамени тоже не было. Только в столовой работали, что-то готовили и куда-то увозили в больших кастролях (видимо, на вокзал, где формировался эшелон). Нас тоже накормили, и мама с очередной машиной уехала на вокзал. Она и проводила отца там, с последним эшелоном.



Грамота автору статьи.

Оказывается, нас сейчас повезут в гарнизонную гостиницу, а утром мы поедем смотреть наше новое жилище. Гостиницу помню смутно, после еды хотелось спать. Помню только какой-то длинный коридор, в который выходили двери комнат, а в конце коридора была кухня и умывалка. Кругом были военные, одни шли с полотенцами, другие несли чайники. Все громко разговаривали, смеялись, а в другом конце коридора стояли курильщики, курили и выпускали дым в открытую форточку. Стало интересно и даже весело. Какой-то общий дружеский, гостеприимный настрой захватил и нас. Комната была большая, стояло несколько кроватей, уже заправленных бельём. Мама раздела меня, как

Вот так мы и начали обживать территорию. Во-первых, я стал приглядываться к орудиям. Это были гаубицы старого образца, ещё на конной тяге, связка три пары – шесть лошадей. Затем обследовал саму конюшню. Это было гораздо интересней. Красноармейцы были из городов и за редким исключением не были приучены к лошадям. Поэтому некоторые даже боялись подходить к ним. Помню такой случай, это было уже летом. Нужно было привести сена, и красноармеец взял и запряг в повозку верховую лошадь (он не знал разницы между лошадьми, которые ходят в постромках, и лошадьми, которые ходят под седлом). Так эту повозку лошадь занесла в щепки! А у отца те-

Конь смотрел мне прямо в глаза и терпеливо ждал, когда же я дам ему ещё?

А как было интересно! Летом весь полк выехал в лагерь, в Горьковец. Там проходили учения. Больше всего, конечно, нас интересовала артиллерия, это же была наша мальчишеская гордость. Выстрелы орудий мы видели и слышали, но куда падали снаряды, нам не было видно. Лучшее всего было наблюдать за воздушными стрельбами. К слову сказать, рядом с нашим городком расположились палатки Горьковского зенитного училища. Курсанты – молодые ребята, которым было немножко больше, чем нам, лет, часто приходили к нам в городок, особенно в кино или на танцы (обязательно под полковой духовой